

Ведущий, услышав вопрос, тотчас откликнулся: «Вопрос отличный. Правила таковы: последний иероглиф строки должен давать рифму, а вся поэма — рождать яркий образ, чем живее, тем лучше. Что до судейства, то мы просто проведём голосование — чьё стихотворение понравится больше, тот и победит». Он сделал небольшую паузу и добавил: «Ради справедливости всем десяти участникам выдадут листы бумаги. По завершении работы стихи вывешиваются анонимно, и каждый сможет отдать голос за понравившееся».

Собравшиеся в зале сочли такой подход разумным и согласно закивали.

Десять юношей на сцене, получив бумагу и кисти, приготовились творить.

Фан Цзинь сначала брезгливо скривился. Тао Чжэн посмотрел на него, а затем — на статного юношу по соседству. Тот парень был странным: лицо его оставалось совершенно бесстрастным, и он не проронил ни слова.

Когда ведущий ударил в гонг, все, кроме того красивого юноши, тут же склонились над листами. Он же стоял неподвижно, погружённый в раздумья.

На всё отводилось лишь десять минут. Все смотрели на юношу, который даже не притронулся к кисти, и в зале зашептались: а сможет ли он вообще что-нибудь сочинить?

Фан Цзинь схватил кисть и принялся быстро-быстро выводить иероглифы, затем отшвырнул её, с облегчением выдохнув: стихотворение было готово. Зрители ответили аплодисментами.

Тао Чжэн, нахмурившись, уставился на Фо Ло — и вдруг, словно осенённый вдохновением, разгладил лоб и тоже принялся писать.

Когда до конца оставалась пара минут, все с нетерпением следили за тем юношей. Тот, обладавший изящными и тонкими пальцами, неспешно взял кисть, обмакнул её в тушь и начал выводить строки. Он поставил последнюю точку ровно в срок — ни секундой раньше. Почерк его был утончённым и аккуратным.

Лишь увидев, что он закончил, зрители вздохнули с облегчением.

Ведущий распорядился собрать все десять стихотворений и вывесить их для всеобщего суда.

Весь этот процесс Фо Ло наблюдала молча, лишь лёгкая улыбка не сходила с её губ.

Когда юноша опустил кисть, он взглянул на Фо Ло и заметил, что та смотрит прямо на него. Он тут же отвёл глаза, и на лице его мелькнуло смущение.

Участники стояли на сцене и наблюдали, как их творения развешивают в зале.

Собравшиеся теснились друг к другу, выбирая лучшее, на их взгляд, стихотворение.

Спустя полчаса ведущий велел подсчитать результаты.

□Не трогай меня□

Вскоре слуга, собиравший голоса, завершил подсчёт и принёс на сцену листок с итогами. Ведущий принял его, кивнул и громко объявил: ««Холодный вихрь, что в грезах тает, едва заметен, вдали, меж гор, туман, как росток, пробивается». Превосходные строки!»

Ведущий обвёл взглядом участников на сцене. Лицо Тао Чжэна было мрачным — очевидно,

прочитанное стихотворение принадлежало не ему. Фан Цзинь же сиял от самодовольства, что лишь разожгло досаду Тао Чжэна.

«Прошу этого господина сделать шаг вперёд», — сказал ведущий, подойдя к Фан Цзяню и обращаясь к тому красивому юноше.

Все взоры устремились на него. Его кожа была фарфорово-белой, а щёки теперь слегка порозовели от смущения, но он всё же вышел в центр.

«Осмелюсь спросить, как имя господина?» — поинтересовался ведущий.

Но юноша не ответил, лишь выглядел крайне неловко.

На сцене и в зале воцарилась тишина — все ждали, что он скажет. Фан Цзинь, не выдержав, вышагнул вперёд и громко провозгласил: «Достопочтенные, это мой брат, Дун Хуань! Парень он талантливый, но, увы, немой!»

Услышав это, юноша покраснел ещё сильнее, губы его сжались, а брови нахмурились.

Фо Ло стояла рядом и наблюдала за происходящим. Её ледяное выражение лица сменилось улыбкой.

Услышав слова Фан Цзиня, зрители зашумели, выражая сожаление.

«Вот как... Небеса не благоволят талантам!» — лицо ведущего выразило искреннее огорчение, но уже через мгновение он продолжил: «Но не беда! По всему видно, что господин сей — дарование. Сегодня он одержал победу. Прошу госпожу Фо подняться на сцену и вручить ему награду!»

Зрители захлопали. Фо Ло вышла из толпы и поднялась на сцену, и улыбка не сходила с её лица. Она пристально смотрела на юношу, и во взгляде её читалось что-то невыразимое.

Когда Фо Ло приблизилась, он опустил голову, и лицо его запылало. Фо Ло, слегка прищурившись, смотрела на него, но он не решался встретиться с ней глазами.

Фо Ло взяла из рук ведущего поднос, на котором лежала золотая нефритовая подвеска — приз за победу. Она бережно подняла её, и камень ярко сверкнул в свете ламп терема. Фо Ло склонилась и тихо сказала: «Подойди, я надену её на тебя».

Юноша наконец поднял голову. Его ясные глаза сверкали, и в них читалось ожидание. Тонкие губы слегка приоткрылись, но не издали ни звука. Он лишь сделал шаг навстречу, ожидая, когда она наденет подвеску.

Когда Фо Ло приложила подвеску к его шее, он почувствовал холод — то ли от металла, то ли от прикосновения её пальцев.

Стоявшие внизу зрители замерли, наблюдая за каждым движением этой пары. Фо Ло, всегда холодная и отстранённая, сейчас улыбалась так лучезарно. А юноша был и красив, и талантлив, хоть и чересчур застенчив. На мгновение все позабыли, что находятся на Поэтическом турнире, и думали лишь о том, какая же это прекрасная пара.

Тао Чжэн стоял в стороне, сжимая кулаки от бессильной злости. Он приехал сюда из столицы лишь для того, чтобы увидеть Фо Ло, и был уверен, что венец победителя в Тереме созерцания

туши достанется ему. Но его затмил какой-то безвестный выскочка.

«Хм, сегодня ему просто повезло. Я, наследный принц, не стану опускаться до ссоры с ним!» — выпалил Тао Чжэн, но в этот момент евнух рядом с ним тихо прошептал: «Ваша светлость, посмотрите-ка, это госпожа Фо».

Они выглянули из паланкина и увидели, как Фо Ло в красном шёлковом одеянии выходит из терема. Рядом с ней шёл тот самый юноша. А тот «немой» всё ещё стоял у входа, погружённый в свои мысли. Фо Ло, с улыбкой на лице, подошла к нему сзади, и он не замечал её, пока она не постояла так некоторое время.

Когда же он наконец обернулся и увидел её, то вздрогнул от неожиданности.

С точки зрения Тао Чжэна, он никогда не видел на лице Фо Ло такой сияющей улыбки, а сегодня она дарила её какому-то незнакомцу. Он стиснул зубы и со всей силы наступил на ногу евнуха. Тот застонал от боли, но не посмел издать ни звука.

«Ва... ваша светлость... м-может, разузнать, кто он такой?» — евнух едва мог говорить. Тао Чжэн отпустил его и кивнул.

Увидев Фо Ло, Фан Мяожань совсем растерялась. Говорить ей или нет? Раскрыла ли Фо Ло её обман?

Поколебавшись, она уже собралась было заговорить, как Фо Ло приложила палец к её губам, призывая к молчанию.

Фан Мяожань послушно закрыла рот, широко раскрыв глаза.

«Садись в карету».

<http://bllate.org/book/16259/1462868>